

переживает раскол («monde qui se scinde» – мир, который раскалывается – *перевод наш*) [2], но из этого раскола рождается новый мир – мир, где человек становится творцом собственной судьбы.

Заключение. На основе проведённого анализа можно сделать вывод о том, что метафоры «убийства» в песне «Florence» выстроены в последовательную систему, которая показывает смену исторических эпох – от Средневековья к Возрождению [1; 2]. Строка «Ceci tuera cela» (Это убьёт то – *перевод наш*) проходит через трансформации: архитектура сменяется литературой, церковная учёность заменяется светским знанием, церковь как посредник теряет свою роль в пользу прямого общения человека с Богом, и в итоге Бог уступает место Человеку в центре мира. Хотя в тексте постоянно звучит слово «убийство», сами метафоры настроены оптимистично. Речь идёт не о разрушении, а о том, что человечество взрослеет: перестает слепо верить авторитетам, а начинает думать самостоятельно. В этом и состоит главная мысль Возрождения, которую авторы мюзикла воплотили в своём произведении.

1 Гюго, В. Собор Парижской Богоматери / пер. с фр. Н. Касаткиной. – М.: Художественная литература, 2018. – 480 с.

2 Пламандон, Л. Notre-Dame de Paris: либретто мюзикла / Л. Пламандон, Р. Коччанте. – Париж: Éditions Pascal, 1998. – 85 с.

АНТРОПОНИМЫ И ТОПОНИМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ Е. ЕВТУШЕНКО: ТИПОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ, СЕМАНТИКА

Зайцева А.Н.,

студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Муратова Е.Ю., доктор филол. наук, профессор

В современном литературоведении и лингвистике изучение ономастического пространства художественного текста позволяет выйти на новые уровни интерпретации авторского замысла. Как писал В. Д. Бондалетов, «*ономастическая лексика, знакомство с ней, делает возможным увязывать изучение русского языка с литературой, с историей русского народа*» [1, с. 3]. Имена собственные перестают быть просто идентификаторами и раскрываются как ключевые элементы поэтики, формирующие хронотоп, эмоциональный фон и систему ценностей произведения. Поэзия Е. Евтушенко, отличающаяся публицистичностью, исповедальностью и широким географическим охватом, представляет собой уникальный материал для такого анализа.

Актуальность работы обусловлена необходимостью восполнить пробел в изучении поэтики Е. Евтушенко: предложенная систематизация ономастического материала позволяет не только классифицировать имена собственные по типу, масштабу и функции, но и выявить закономерности их использования, что даёт более полное представление об идиостиле поэта. Кроме того, исследование имеет практическую значимость: его результаты и методика анализа (структурно-семантический, контекстуальный и сравнительно-типологический подходы) могут быть применены при изучении ономастикона других авторов, чьё творчество связано с реальной историей и географией, что открывает перспективы для дальнейших сравнительно-типологических исследований в области литературной ономастики.

Цель исследования – выявить специфику, типологию и художественные функции антропонимов и топонимов в поэзии Е. Евтушенко, определив их роль в формировании художественного мира поэта.

Материал и методы. Материалом исследования послужили поэтические тексты Е. Евтушенко разных периодов, в которых были выявлены и проанализированы имена собственные. В работе применяются методы структурно-семантического, контекстуального и сравнительно-типологического анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ позволил систематизировать ономастическое пространство поэзии Евгения Евтушенко и выявить его основные характеристики.

1. Антропонимы: между документом и символом.

Антропонимы в лирике поэта-шестидесятника выполняют ряд функций, выходящих за рамки номинации. Во-первых, это функция «исторической памяти». Поэт вводит имена реальных исторических лиц (Разин, Ленин, Пушкин, Есенин и др.), чтобы создать объемный фон эпохи. Такие имена служат не столько для характеристики конкретного человека, сколько для обозначения целого культурного или исторического пласта.

*Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь -
как бы шая, глаголом жечь. («Поэт в России больше, чем поэт»)
...она – и Разин, и Некрасов, / и Ленин – это все она. («Волга»)*

Во-вторых, это характерологическая функция. Имя собственное в лирике Е. Евтушенко часто становится не просто идентификатором, а средством постепенного раскрытия образа и его итоговой характеристикой. Показательно в этом отношении стихотворение «Маша», где антропоним выполняет роль смыслового и композиционного центра. Примечательно, что имя появляется не в начале, а лишь в третьей строфе, когда лирический герой, наблюдая за девочкой, сводит воедино все её противоречивые черты: *«рассудок трезвый, безрассудства масса, / взгляд из-под чуткой чёлки через всех / и снова вниз... Всё это вместе Маша – / серьёзный большезлазый человек»*. Имя здесь выступает не как данность, а как формула понимания, итог узнавания, превращающий абстрактное видение в конкретную личность. С появлением имени меняется оптика стихотворения: от стороннего наблюдения – к диалогу и напряжённому отношению (*«тебе не причиню я, Маша, зла»; «мне от тебя немного надо, Маша»*). В финале антропоним подвергается семантической трансформации: конкретное имя растворяется в метафоре, когда лирический герой глядит *«сквозь твоё тоненькое сердце, / как сквозь прозрачный камушек морской»*. Таким образом, имя «Маша» проходит путь от простого обращения к символу хрупкой, просвечивающей насквозь жизни, соединяя конкретно-чувственное переживание с размышлениями о вечности.

В-третьих, лингвокреативная функция. Поэт создает окказиональные или сложно-составные антропонимы, которые позволяют ему соединять в одном слове различные культурные коды, создавая уникальный идиостиль.

Как писала в своей работе Муратова Е. Ю., *«личные имена в художественном тексте – это не просто идентифицирующие «метки», а сложные семантические знаки, способные кратко и емко репрезентировать идеи, ситуации, характер, поведенческие установки, т.е. все, что необходимо для полного и объективного понимания художественного произведения»* [4, с. 261].

2. Топонимы: география как судьба.

Топонимическое пространство поэзии Евгения Евтушенко необычайно широко и выполняет роль не фона, а активного действующего лица.

Классификация топонимов по масштабу позволила выделить несколько групп:

А) Гипертопонимы и макротопонимы (Россия, Сибирь, Москва). Они формируют эпический масштаб повествования, выступая символами родины, исторической судьбы народа. «Москва» у Е. Евтушенко – это не просто город, а средоточие политической и культурной жизни страны [5, 6].

*И всё ж, когда, проснувшись на рассвете,
я слышу: с утра в Москве –
то Блок,
то Достоевский,
то Есенин,
то кто-то, может, двадцатого века,
я понимаю: ты – Россия! («Ты – Россия»)*

Б) Регионимы и микротопонимы (Зима, названия малых рек, улиц). Эта группа служит для создания интимной, лирической атмосферы. Именно через малые топонимы («Станция Зима») поэт выражает связь человека с «малой родиной», личную ностальгию и память детства.

*Забыв беспечно об угрозах двоек,
срывались мы с уроков через дворик,
бежали полем к берегу Оки...*

В) Эколого-ландшафтные топонимы (Байкал, названия полей и холмов) несут мощную экологическую и нравственную нагрузку, часто используясь в стихах на тему сохранения природы и культурного наследия.

Анализ показывает, что поэт использует как полные, так и краткие, разговорные формы топонимов, что создает стилистическую полифонию: от официально-публицистического пафоса до доверительно-бытовой интонации [7].

3. Структурно-семантический анализ онима.

Семантическая структура имени у Е. Евтушенко многослойна. Ядром значения остается указание на объект (человек, место). Однако периферийные семантические компоненты – культурные, исторические, эмоциональные коннотации – зачастую становятся главными. Например, топоним «Берлин» включает в себя не только географическое значение, но и семы «война», «победа», «память», «диалог культур». Поэт актуализирует эти периферийные смыслы через контекст, эпитеты и ритмическую организацию стиха, превращая имя собственное в развернутую поэтическую метафору [2, 7].

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что ономастическое пространство является важнейшим элементом поэтики Е. Евтушенко. Антропонимы и топонимы в его творчестве выполняют не только идентифицирующую, но и экспрессивную, символическую, характерологическую и сюжетообразующую функции. Они служат связующим звеном между личным переживанием лирического героя и большой историей страны, формируя уникальный «ассоциативный ореол» и многомерный хронотоп. Предложенная методика анализа может быть применена для изучения ономастикона других авторов, что открывает перспективы для дальнейших сравнительно-типологических исследований в области литературной ономастики.

1 Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

2 Патроева, Н. В. Ассоциативно-образный потенциал прецедентного собственного имени в поэзии (на материале контекстов с антропонимом Ломоносов) / Н. В. Патроева, А. А. Лебедев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – №2 (37).

3 Кушнарёва, Т. В. К вопросу о переводе имен собственных в ономастике / Т. В. Кушнарёва, В. И. Прибыткова, О. Ю. Полонская // Современное педагогическое образование. – 2021. – №5.

4 Муратова, Е. Ю. Художественная роль ономастической лексики в современной поэзии / Е. Ю. Муратова. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/23889> (дата обращения: 02.03.2026). – Текст : электронный.

5 Шмони́на, М. А. Антропонимы как способ создания дуалистической оппозиции в художественном тексте: на материале романа В. Гюго «Отверженные» и его русского перевода / М. А. Шмони́на // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – №6-2.

6 Гиздулин, Э. Видовые особенности лирики Е. Евтушенко / Э. Гиздулин, О. Акбаров // Общество и инновации. – 2021. – №10/S. – С. 47–51.

7 Кондрашова (Козьмина), В. Н. Использование топонимов в оценочно-характеризующей функции в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе / В. Н. Кондрашова (Козьмина), Е. Н. Шустрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №12.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДУХОВНЫХ ИСТОКОВ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

Зараковская М.А.,

магистрант 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент

Типаж «лишнего человека» как предмет специального рассмотрения появился в поле зрения русской словесности в XIX веке. Само же явление стало следствием исторического общественного разлома, вызванного политическими потрясениями в жизни российского общества, главным образом, восстанием декабристов 1825 года. Принципиально важно то, что этот литературный тип носит выраженный универсальный характер,